

A vertical rectangular image showing a dark blue night sky filled with numerous white, out-of-focus points of light, resembling stars or falling snow. The sky is framed by the dark, silhouetted branches of evergreen trees on the left and right sides. At the bottom, a layer of white snow is visible, with some bare, thin branches extending upwards from it.

Elias Solaris

IRODUL_2

Манускрипт_Пепла

Elias Solaris

IRODUL_2 Манускрипт_Пепла

<https://litres.ru/74350497>

SelfPub; 2026

Аннотация

В пражской антикварной лавке обнаруживается загадочный манускрипт, страницы которого хранят не просто историю, а память о том, что человечество предпочло забыть. Чем глубже герой погружается в текст, тем сильнее стирается граница между прошлым и настоящим. Тайны древнего рукописного наследия начинают отражаться в его собственной жизни, заставляя усомниться в природе памяти, воли и самой реальности. «IRODUL: Манускрипт Пепла» — атмосферный мистический роман о тайнах, древних знаниях, человеческой памяти и цене, которую приходится платить за желание узнать правду.

Содержание

Манускрипт Пепла	5
Вступление: Пепел вместо ответа	6
Что такое «Манускрипт Пепла»	6
Почему я пересказываю это сейчас	7
Для кого эта книга	10
Необходимое предупреждение	11
Как я отделял пепел от огня	12
Чего вы не найдёте в «Манускрипте Пепла»	13
Что остаётся	14
Часть I. Находка	15
Глава 1. Лавка древностей	15
Глава 2. Безымянный манускрипт	30
Глава 3. Пепельный знак	40
Глава 4. Голоса между строк	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Elias Solaris

IRODUL_2

Манускрипт_Пепла

Обложка книги IRODUL — Манускрипт Пепла, автор
Elias Solaris

Манускрипт Пепла

Второй том

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Elias Solaris

IRODUL Манускрипт Пепла

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Все события, персонажи, мистические явления и описания в этой книге являются частью художественного вымысла.

Вступление: Пепел вместо ответа

Что такое «Манускрипт Пепла»

Имя этой книги пришло ко мне не сразу. Я перебирал варианты: «Тень Искры», «Обратная сторона», «Запретное продолжение». Всё было не то. А потом однажды утром я смотрел на догорающие угли в камине и понял.

Пепел — это то, что остаётся после пламени.

Первая книга была о свете. О том, как зажечь свечу и не обжечься. Эта книга — о том, что делать, когда свеча уже погасла. Когда ты ошибся. Когда пошёл по тёмному пути и хочешь вернуться. Или когда не хочешь возвращаться — но должен понять, куда идёшь.

«Манускрипт Пепла» не отменяет первую книгу. Она остаётся фундаментом. Но фундамент — это не весь дом. Есть стены, есть крыша, есть подвал. А в подвале — то, что мы предпочитаем не замечать.

Почему я пересказываю это сейчас

Потому что молчание оказалось опаснее, чем я думал.

Я надеялся, что, не дав техник запретного знания, я обезврежу их. Что любопытство угаснет само. Но любопытство, оставленное без ответа, не угасает. Оно уходит в подполье. Оно ищет другие источники — грязные, искажённые, опасные.

Я получил весть о человеке, который пытался воссоздать церемония «Corona Regis Cinerum» по обрывкам, найденным в интернете. Он не нашёл цену — он принёс в цену себя. В прямом смысле. Его нашли в съёмной квартире через три недели. Соседи жаловались на запах.

Он читал мою первую книгу. Он знал, что я предупреждал. Но предупреждения без объяснения — это просто слова. А голод по знанию оказался сильнее тревоги.

Я не могу предотвратить все трагедии. Но я могу хотя бы сказать правду.

В этой книге я рассказываю о сомнительных идеях и легендах, которые приписывают IRODUL. Не как о практическом руководстве, а как о части истории. Здесь важнее не техника, а последствия выбора, размышления героя и попытка отделить наблюдение от фантазии.

И я покажу выход.

Я закрыл книгу в тот вечер раньше обычного. Не потому,

что испугался — хотя тревога никуда не делся. А потому, что почувствовал: она уже получила достаточно. Как человек, который наелся и теперь лениво наблюдает за тобой, сыто улыбаясь в темноте.

На улице уже стемнело. Я подошёл к окну и посмотрел вниз. Фонарь на противоположной стороне всё ещё горел. Под ним никого не было. Но я уже знал — это ничего не значит. Теперь я видел то, чего раньше не замечал. Тени двигались чуть медленнее, чем должны. Воздух в комнате был тяжелее у потолка. А в зеркале в ванной моё отражение иногда моргало на долю секунды позже.

Я лёг в постель, не гася свет. Книга лежала на столе, закрытая, но я чувствовал её присутствие так же отчётливо, как собственное сердцебиение. Она не шептала. Не двигалась. Просто была.

И в этой тишине я впервые задал себе вопрос, который потом будет преследовать меня годы:

«Что я уже отдал, даже не заметив?»

Ответ пришёл не сразу. Он приходил по частям — в бессонных ночах, в странных совпадениях, в людях, которые начали отводить взгляд, когда я входил в комнату. В холоде, который поселился под рёбрами и не уходил даже летом.

Книга не лгала. Она действительно давала. Но каждое её «да» было взято из того, что делало меня человеком. Из тепла. Из беспечности. Из способности просто жить, не замечая, как мир на самом деле устроен.

Наутро я проснулся от того, что кто-то сидел на краю моей кровати. Я открыл глаза — никого. Только вмятина на одежде, медленно расправляющаяся, словно кто-то только что встал.

Я посмотрел на книгу.

Она была открыта на странице, которую я точно не открывал.

На ней было всего две строки, написанные моим собственным почерком — хотя я никогда не писал в ней:

«Добро пожаловать домой, Elias.

Теперь мы будем учиться вместе.»

Я не стал её закрывать.

И в этом, наверное, был весь мой первый настоящий выбор.

Потому что «Манускрипт Пепла» — это не книга о том, как стать магом. Это книга о том, как разобраться в собственных сомнениях, вернуть ясность и продолжить путь, если ты зашёл слишком далеко.

Для кого эта книга

Я пишу её для трёх типов читателей.

Первый — тот, кому интересны загадочные книги, старые легенды и вопросы о собственном выборе. Эта книга для тебя. Она не обещает сверхъестественных ответов — она предлагает вместе с героем искать смысл.

Второй — тот, кто столкнулся с последствиями чужого запретного знания. Необычные убеждения, тревожные совпадения, сильное влияние старых историй — всё это может заставить человека чувствовать себя потерянным. Эта книга даёт не инструкции, а способы остановиться, разобраться в происходящем и вернуть себе спокойствие.

Третий — тот, кто просто хочет знать. Не чтобы применять, а чтобы понимать. Потому что знание тьмы, не смешанное с желанием её использовать, становится не заразой, а иммунитетом. Если вы знаете, как выглядит крючок, на который ловят рыбу, вы не станете этой рыбой.

Необходимое предупреждение

Я должен сказать это прямо, прежде чем вы перевернёте страницу.

Чтение этой книги изменит вас.

Не так, как первая. Первая пробуждала. Эта — обнажает. Вы увидите то, что большинство людей стараются не замечать. Вы узнаете, какой ценой покупается мгновенное могущество. Вы поймёте, почему некоторые двери не открывают не потому, что они заперты, а потому что за ними — пустота, которая посмотрит на вас в ответ.

Если вы не готовы к этому — закройте книгу. Подарите её кому-нибудь или сожгите. Не читайте «на спор». Не читайте «из интереса». Читайте только если внутри вас есть вопрос, на который первая книга не дала ответа, и если вы готовы заплатить за этот ответ вниманием, тишиной и, возможно, бессонными ночами.

Я не шучу. Я никогда не шучу о таких вещах.

Как я отделял пепел от огня

В первой книге я обещал не давать прямых техник из IRODUL. Во второй я нарушаю это обещание — сознательно и с тяжёлым сердцем. Но я делаю это по правилам.

Каждая легенда будет рассмотрена с трёх сторон.

Сначала — как она записана в оригинале. Без купюр. Без смягчений. Чтобы вы видели тьму в её настоящем, неприглядном виде.

Затем — последствия. Не мистические рецепты, а то, как описанные события меняют героя, его отношения, привычки и взгляд на мир.

И наконец — выход. Не способ выполнить неизвестную практику, а способ остановиться, сделать паузу и вернуть себе ясность.

Это структура всей книги. Тьма. Цена. Свет.

Чего вы не найдёте в «Манускрипте Пепла»

Я не даю инструкций, которые могут причинить вред. Не предлагаю опасных экспериментов, не учу проклинять людей и не выдаю вымышленные практики за реальные способы изменить мир.

Я не даю имён образов, которые не поддаются контролю.

Я не даю церемоний, требующих человеческой цены — даже символической.

Я не учу проклинять тех, кто вам не нравится, ради вашего удобства.

Я не обещаю бесисчезновения, всемогущества или власти над миром.

Если вы ищете это — вы не по адресу. В мире есть другие книги, другие сайты, другие «учителя», которые дадут вам эти рецепты. И они приведут вас туда, куда я не хочу даже смотреть.

Что остаётся

В конце этой книги, как и в конце первой, не будет торжествующего финала. Не будет «и жили они долго и счастливо, владея великой силой». Финал будет открытым. Потому что ваш путь — не моя история.

Я только проводник. Я показываю карту, где отмечены и светлые поляны, и тёмные болота. Идти или не идти — решать вам.

Но если вы решите идти — знайте: вы не одиноки. Даже в самой глубокой тьме. Даже когда кажется, что Искра погасла навсегда. Она не гаснет. Она просто ждёт, пока вы перестанете бояться пепла и позволите тлеющему углю снова разгореться.

Это и есть «Манускрипт Пепла». Книга о том, как не бояться пепла.

Elias Solaris

Осень 2026

Часть I. Находка

Глава 1. Лавка древностей

Находка в пражской лавке древностей

Та дверь не привлекла бы внимания ни одного нормального человека. Она была такой же, как сотни других на этой узкой пражской улице — облупленная, тёмная, с едва заметной табличкой, покрытой патиной времени. Я прошёл мимо неё дважды, прежде чем остановиться. Не потому что я что-то увидел. Потому что что-то не увидело меня.

Объясню.

У пробуждённого есть странное свойство — его замечают. Даже когда он не хочет. Даже когда стоит в толпе, не выделяясь ничем. Взгляды скользят, задерживаются, возвращаются. Искра притягивает внимание спящих, как пламя свечи — мотыльков.

В тот день я уже несколько месяцев практиковал «Серую тень» — технику, которой научился из манускрипта, ещё не зная, как она очищается. У меня получалось становиться незаметным. Но эта дверь... она была незаметнее меня. Я смотрел прямо на неё, а взгляд соскальзывал, как с масляной поверхности. Только на третьем проходе я поймал себя на мысли: «Почему я всё время возвращаюсь к этому месту?»

Тогда я ещё не знал, что такое «обращение места». Что некоторые пространства обладают слабой, но настойчивой волей. Они не говорят с тобой словами. Они просто создают в твоём сознании мягкое, трудноуловимое желание — зайти, остаться, вернуться. И если ты не осознаёшь этого, ты подчиняешься, думая, что это твой выбор.

Я подчинился.

Хранитель

Внутри пахло так, как пахнут вещи, пережившие своих хозяев. Не тлением — нет. Старостью. Воском, пылью, медью, кожей, временем. Свет проникал сквозь единственное запылённое окно, и в этом полумраке предметы теряли чёткость, превращаясь в силуэты, которые могли быть чем угодно.

Я не сразу увидел хозяина. Он сидел в глубине, за прилавком, и казался частью обстановки — настолько неподвижной, настолько вписанной в этот мир старых вещей. Когда мои глаза привыкли, я разглядел лицо. Оно было как смятый пергамент — глубокие морщины, бледная кожа, глаза цвета мутного янтаря. Он не улыбнулся. Не поздоровался. Просто смотрел на меня — и ждал.

— Ищите что-то конкретное? — спросил он голосом, который звучал так, словно доносился из другого помещения.

— Не знаю, — ответил я честно. — Меня привело... любопытство.

Он кивнул, как будто именно этого ответа и ждал. И едва

заметно усмехнулся.

— Любопытство — плохой советчик. Оно приводит туда, откуда не возвращаются.

— А вы откуда знаете? — спросил я. Мне было двадцать семь, я был полон самоуверенности пробуждённого новичка.

Он не ответил. Только повёл рукой в сторону зала, разрешая осматриваться.

То, что искало меня

Я ходил между стеллажами и не понимал, зачем я здесь. Астролябии с отсутствующими стрелками. Гравюры, изображающие города, которых больше нет. Каменная маска животных с выгравированными знаками, смысл которых угадывался, но не читался. Всё это было интересно — но не то.

А потом я повернул голову.

Низкая полка в углу. На ней — несколько книг в кожаных переплётах. Одна из них была чёрной. Не просто тёмной — чёрной настолько, что она словно впитывала свет. Я не видел корешка — я видел провал. Точку, в которую уходило зрение, не находя опоры.

— Эта, — сказал я, даже не прикасаясь.

Хозяин подошёл ко мне беззвучно. Я не слышал шагов — только почувствовал его присутствие за спиной.

— Не трогай её, — сказал он спокойно, без угрозы. — Никто не должен её трогать.

— Почему она здесь?

— Потому что у неё нет другого места. Я храню то, что

нельзя уничтожить. И то, что нельзя продать.

Я смотрел на книгу и чувствовал, как внутри, в груди, моя Искра — тогда ещё слабая, неопытная — начинает вести себя странно. Не ровно пульсировать, как обычно. А подрагивать, словно пытаюсь спрятаться. Словно узнавая хищника.

— Сколько? — спросил я.

Старик посмотрел мне в глаза. Долго. Так долго, что я начал чувствовать себя неловко.

— Ты не заплатишь деньгами, — сказал он наконец. — Ты заплатишь тем, что придётся узнать. И тем, кем ты станешь после.

— Я согласен.

Я сказал это мгновенно. Слишком мгновенно. Это был не мой разум — это был тот самый зов, который привёл меня к двери. Книга не просто ждала. Она выбрала меня. А я был слишком молод, слишком горд, чтобы это заметить.

Старик покачал головой. Потом снял книгу с полки — голыми руками, без тревоги, — и протянул мне.

Его пальцы были холодными. Я заметил это, когда наши руки соприкоснулись. Холодными, как у человека, который давно уже не живёт — но ещё не умер.

— Не открывай её дома, — сказал он на прощание. — И не открывай в одиночестве. И если услышишь, как она шепчет... не отвечай.

Я вышел на улицу с книгой в руках. Был май, тёплый вечер. Но мне показалось, что наступила осень.

Что я понял потом

Я не знал тогда, что старик был не просто продавцом. Я встретил его ещё раз, много позже, в совсем другом месте и при других обстоятельствах. Но об этом — в другой главе.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: он не предупреждал меня от добра. Он предупреждал, потому что знал: я не слушаюсь. Никто не слушается. Тот, кто способен слушаться, никогда не переступит порог такой лавки. А тот, кто переступил, — уже не остановится.

Книга, которую я купил за «цену знания», называлась IRODUL.

И она действительно изменила меня.

Не сразу. Не так, как обещают в дешёвых романах. Я не приобрёл сверхспособностей в ту же ночь. Я не взлетел и не сжёг взглядом ни одного врага. Я просто... начал видеть трещины. В реальности. В себе. В людях, которых считал близкими.

А потом книга заговорила

Не голосом.

Если бы это был голос, я бы захлопнул её в ту же секунду. Нет, всё произошло гораздо хуже.

Я сидел тогда в маленькой съёмной квартире на окраине Праги. За окном моросил дождь. Старые трамваи скрежета-ли по рельсам, словно огромные металлические насекомые. Было уже далеко за полночь.

И я нарушил первое предупреждение старика.

Я открыл книгу один.

Переплёт поддался неожиданно легко. Будто кожа, покрывавшая её, была живой и только ждала прикосновения. Страницы оказались пожелтевшими, но не от времени. Их цвет напоминал старую кость.

На первой странице не было названия.

Не было автора.

Не было даты.

Только символ.

Круг, вписанный в треугольник, внутри которого находился глаз, перечёркнутый вертикальной линией.

Стоило мне взглянуть на него, как по позвоночнику пробежал холод.

Не тревожно.

Узнавание.

Так бывает, когда встречаешь человека впервые, но почему-то уверен, что видел его раньше.

Я моргнул.

Символ исчез.

Потом пылинка в воздухе(мурашки пролители по коже) что это боже?

На странице осталась только чистая бумага.

— Что за чертовщина?.. — пробормотал я.

И тогда книга ответила.

Не словами.

Мыслью.

Она возникла в моей голове настолько естественно, словно принадлежала мне самому.

«Наконец-то.»

Я вскочил со стула.

Сердце ударило в грудь так сильно, что стало трудно дышать.

В комнате никого не было.

Я это знал.

Чувствовал.

Но ощущение чужого присутствия никуда не исчезло.

Оно стояло за моей спиной.

Совсем рядом.

Я резко обернулся.

Пустота.

Только шкаф.

Старое зеркало.

И собственное отражение.

Но в тот миг мне показалось, что отражение повернулось обратно на долю секунды позже меня.

Всего на мгновение.

Насколько быстро, что разум тут же попытался убедить меня, будто это игра света.

Я хотел закрыть книгу.

Правда хотел.

Но взгляд уже скользил по страницам дальше.

Текст был написан на языке, которого я никогда не изучал.

похоже латынь.

Не греческий.

Не иврит.

Не что-либо ещё из известных мне языков.

Однако я понимал каждое слово.

Это невозможно.

Но именно так всё и происходило.

Символы словно обходили разум и попадали прямо в сознание.

Я читал.

А книга читала меня.

Страница за страницей.

Строка за строкой.

И чем дальше я продвигался, тем сильнее становилось странное чувство, будто кто-то перебирает мои воспоминания.

Мои тревоги.

Мои сожаления.

Мои тайные желания.

Всё то, что я сам предпочитал не замечать.

Внезапно одна из страниц оказалась пустой.

На ней ничего не было.

Несколько секунд.

Потом прямо у меня на глазах начали проступать буквы.

Тёмные.

Медленные.

Словно их выводила невидимая рука.

Я замер.

Текст складывался в одну фразу.

Моё имя.

Полностью.

До последней буквы.

У меня похолодели руки.

Затем появилась вторая строка.

«Ты ищешь истину.»

Третья.

«Но не знаешь цены.»

Четвёртая.

«Каждая дверь открывается в обе стороны.»

Я захлопнул книгу.

На этот раз по-настоящему.

Комната погрузилась в тишину.

Такую плотную, что я слышал собственное дыхание.

Прошла минута.

Может две.

Потом я заметил ещё одну странность.

Дождь за окном прекратился.

Совершенно.

Будто кто-то выключил звук мира.

Я подошёл к окну.

Улица была пустой.

Ни одного прохожего.

Ни одной машины.

Ни единого движения.

Даже фонари светили как-то иначе — слишком ровно, слишком неподвижно.

А затем я увидел фигуру.

На противоположной стороне улицы.

Высокую.

Тонкую.

Нечеловечески неподвижную.

Она стояла под фонарём и смотрела прямо на мои окна.

Расстояние было слишком большим, чтобы разглядеть лицо.

Но мне показалось, что человек смотрит в сторону моего окна.

Я моргнул.

Он остался на месте.

Книга, лежавшая на столе, едва слышно скрипнула переплётом.

Старые вещи иногда издают странные звуки, особенно когда меняется температура.

Я решил не делать поспешных выводов.

Мне казалось, что я просто столкнулся с чем-то необъяснимым.

С чем-то древним.

Неизвестным.

Интересным.

Тревога пришла позже.

Когда я понял одну простую вещь.

Человек под фонарём, возможно, стоял там ещё до того, как я открыл книгу.

Я не мог знать наверняка.

Просто раньше я не обращал внимания.

Я ещё долго смотрел в окно.

Книга лежала на столе закрытой. Я не прикасался к ней больше.

Утром фигура исчезла. Возможно, человек просто ушёл.

Но впечатление осталось. Я запомнил силуэт и решил записать всё в журнал.

Я сделал несколько медленных вдохов. Сердце постепенно успокоилось.

Каждый раз, когда я смотрел в окно, я напоминал себе: наблюдение — ещё не доказательство.

К утру я понял две вещи.

К утру я понял две вещи.

Первая: книга была не просто загадочной. Она словно требовала внимания. Моего внимания. И чем больше я его уделял, тем плотнее она занимала мои мысли.

Вторая: я уже не мог от неё избавиться. Не потому, что она меня держала — потому что я сам не хотел отпускать. Несмотря на тревога. Несмотря на холод, пробирающий до костей. Где-то внутри, глубоко, пульсировало жадное любопытство: а что дальше?

Утро после

С первыми лучами солнца я осмелился снова открыть книгу.

Свет из окна делал её менее страшной. Страницы не шептали, символы не двигались, фигуры не появлялись. На первой странице снова был тот самый символ — глаз в треугольнике, перечёркнутый линией. Но теперь я заметил деталь, которую проглядел ночью.

Линия, перечёркивающая глаз, не была прямой.

Она изгибалась.

Словно трещина в стекле.

Словно улыбка.

Я перевернул страницу.

Текст был на том же незнакомом языке — и снова я понимал его без перевода. Но теперь слова не вырывались в сознание. Они просто были. Чёткими. Холодными. Бесстрастными.

Вступление.

«Тот, кто держит эту книгу, уже изменился. Не телом — той частью, которая раньше спешила с выводами. Ты прошёл первый порог. Остальные потребуют больше внимания.»

Я усмехнулся. Слишком театрально, подумал я. Слишком дешёвый способ запугать наивных читателей. Но внутри, под усмешкой, что-то съёжилось. Потому что я знал: это было правдой. Вчерашний я, тот, который жил до полуночи, действительно умер. Или заснул так глубоко, что уже не

проснётся.

Дальше шло то, что я назвал бы «Оглавлением». Но не обычным.

Каждая глава была не названием, а вопросом.

«Что ты отдашь за власть?»

«Почему ты боишься смотреть в зеркало?»

«Кого ты готов предать, чтобы выжить?»

Я перелистывал страницы, и вопросы становились всё личнее, всё тяжелее. Последний, который я успел прочитать перед тем, как захлопнуть книгу, звучал так:

«Почему ты до сих пор не закрыл её?»

У меня пересохло в горле.

Я закрыл.

И снова слышал скрип переплёта.

Словно смех.

Первый урок

Через три дня я понял, что книга не просто задаёт вопросы. Она учит. Незаметно. Исподволь.

Я начал замечать странные совпадения. Мысли, которые появлялись в голове, словно не мои — но слишком правильные, слишком точные. Знания, которых у меня не могло быть. Например, однажды я посмотрел на старого продавца в супермаркете и вдруг увидел — не логически вычислил, а именно увидел — что через месяц он потеряет работу. Через месяц так и случилось.

Я подумал: это дар.

Книга не спорила.

Но я не знал тогда, что дары Искушаются.

Позже, много позже, я прочитал в той же книге фразу, которую пропустил в первый раз. Она была написана на полях, мелким, почти неразличимым почерком — явно не рукой автора, а кого-то из прежних владельцев.

«Она даёт тебе то, чего ты хочешь. Но берёт то, чего ты не замечаешь. Будь осторожен с подарками из темноты.»

Я тогда не придавал этому значения.

Зря.

Что я вынес из этой главы

Сейчас, спустя годы, я могу описать своё состояние в те дни одним словом: ослепление.

Я был как человек, который никогда не видел цвета, а потом внезапно прозрел. Мир стал ярче, объёмнее, значимее. Я чувствовал эмоции людей до того, как они их проявляли. Я знал, что скажет собеседник, за секунду до того, как он откроет рот. Я видел вероятности — не чётко, но достаточно, чтобы выбирать удачные моменты.

Это опьяняло.

Я не замечал побочных эффектов. Бессонницу — списывал на возбуждение. Постоянное чувство холода в груди — на перемену погоды. Отдаление от друзей — на то, что они «не понимают».

Книга IRODUL не превращала меня в монстра за одну ночь. Она делала это медленно. Сладко. Так, чтобы я сам

просил добавки.

И я просил.

Я возвращался к ней каждый вечер. Искал новые ответы.
Новые техники. Новые имена.

А книга давала.

Всегда чуть больше, чем я был готов принять.

Всегда чуть дороже, чем я был готов заплатить.

Но платить приходилось потом.

Всегда потом.

Глава 2. Безымянный манускрипт

Первое знакомство с рукописью

Я не спал третьи сутки.

Книга лежала на столе, раскрытая на середине. Я перестал её закрывать. Это казалось бессмысленным — стоило ответить взгляд, как страницы начинали шевелиться сами. Не переворачиваться, нет. Просто... дышать. Края слегка приподнимались и опускались, словно бумага набирала и выдыхала воздух.

Я должен был испугаться.

Вместо этого я взял карандаш и принялся переписывать текст в тетрадь.

Почему? Я и сам не мог объяснить. Какая-то внутренняя уверенность, что если я перенесу слова на обычную бумагу, обычными чернилами, то смогу отделить знание от... него. От того, что сидело между строк.

Это не сработало.

Тетрадь, куда я переписал первую главу, на следующее утро оказалась пустой. Ни одной буквы. Только лёгкие вдавленные следы на страницах, словно кто-то водил по ним невидимым стилем, но чернил не пожалел.

Я повторил попытку с другой тетрадью.

Результат был тот же.

Тогда я понял: манускрипт не терпит копий. Не потому,

что он «ревнив». А потому, что знание, которое он содержало, не было текстом. Текст — лишь обёртка. Как кожа для плода. Сними кожу — плод засохнет. Перепиши символы — дух уйдёт.

IRODUL существовало только в оригинале. В той самой чёрной коже, пропитанной воском и чем-то ещё. И каждый, кто хотел знать, должен был возвращаться к источнику. Снова и снова. Как к наркотику.

Я возвращался.

Как была устроена книга

Я потратил неделю, чтобы понять структуру манускрипта. Не потому что он был сложно организован — наоборот, слишком просто. Но потому что он менялся.

Сегодня глава о символах могла быть на пятидесятих страницах. Завтра — на двадцатых. Послезавтра — исчезнуть вовсе, а появиться в виде приписки на полях другой главы.

Я решил вести дневник. Записывать, что где видел. Почерк мой становился всё неразборчивее — не от усталости, а потому что рука начинала дрожать, стоило мне взять карандаш. Не тревожно. Ожидание.

Вот что я выяснил.

Манускрипт делился на три большие части, хотя нигде не было оглавления.

Первая часть — о пробуждении. О том, как Искра дремлет в каждом, но просыпается через опыт, размышления и

честный взгляд на себя. Автор называл это «Рождением Искры». Я тогда ещё не понимал, насколько буквально он говорил о внутреннем изменении.

Вторая часть — о власти. Но не о власти над другими, а о том, как человек учится управлять собственными решениями. Здесь было много философских наблюдений о контроле, амбициях и желании всё объяснить. Я читал их снова и снова и замечал, как меняется моё отношение к себе.

Третья часть — о границах. О том, что находится за пределами человеческого восприятия. Духи, древние, места силы, разрывы реальности. Автор писал о них без трепета. Без тревоги. Как хирург, препарирующий тело — холодно, точно, без капли сочувствия.

Я так и не дочитал третью часть до конца. Не потому, что испугался. Потому что однажды, читая её, я почувствовал, что кто-то читает меня одновременно. И это «кто-то» не имел лица, но умел улыбаться.

Безымянность

Самое странное в манускрипте было отсутствие имени.

Ни на обложке. Ни на первой странице. Ни в колонтитулах. Я перелистал его от корки до корки — нигде не было ни слова, которое можно было бы принять за заголовок.

Я пробовал назвать его сам. «Загадочная книга». «Гримуар». «Манускрипт Праги». Ни одно имя не приживалось. Стоило мне произнести его вслух, как в комнате становилось холоднее. Словно книга отрицала все предложенные ярлыки.

И только потом, много месяцев спустя, в случайном разговоре с антикваром из Кракова, я услышал это слово.

— IRODUL, — сказал он, взглянув на мои записи. И побледнел.

Я спросил, что это значит.

Он не ответил. Только перекрестился и вышел из комнаты.

Тогда я впервые задумался: возможно, у книги есть имя. Просто я не должен был его узнавать. А узнав — не смогу забыть.

Так и случилось.

IRODUL.

Ударение на последний слог.

Иродул.

Сладость гнева.

Первое наблюдение

Я не удержался и решил проверить одну мысль, которую постоянно возвращал мне манускрипт. Но на этот раз я не стал повторять описания из старых страниц.

Я открыл нужный раздел и только читал. В нём говорилось о зеркале, тишине и способности человека замечать собственные мысли. Никаких действий книга не требовала от меня. Скорее, она предлагала наблюдать.

Я сел у окна и посмотрел на своё отражение. Обычное стекло, обычный вечер, обычная комната. Ничего необычного.

Через несколько минут мне показалось, что отражение движется немного иначе. Я отвёл взгляд, снова посмотрел — всё было на месте.

Я записал наблюдение в блокнот. Потом повторил его при дневном свете. Результат оказался другим: никаких странностей.

Это был важный момент. Впервые я решил не искать чудо там, где могло быть обычное свойство зрения, усталость или игра света.

Но манускрипт словно ждал именно такого решения. На следующей странице появилась короткая фраза: «Не всякая загадка требует ответа. Иногда она требует внимания».

Я перечитал её несколько раз.

В ту ночь я не продолжал исследование. Вместо этого выключил свет, открыл окно и несколько минут слушал город.

Трамваи проходили по улице. Где-то закрывалась дверь. В соседнем доме работал телевизор. Обычные звуки возвращали меня к реальности.

На следующий день я снова открыл IRODUL.

Текст изменился. Не полностью — только несколько строк. Теперь книга говорила не о том, как открыть неизвестное, а о том, как отличать наблюдение от собственной фантазии.

Я записал это как первое правило.

Если явление можно проверить — его нужно проверить.

Если объяснение не найдено — это ещё не означает, что произошло чудо.

И если книга предлагает быстрый ответ, лучше сначала задать ещё один вопрос.

После этого я начал относиться к IRODUL иначе. Не как к источнику силы, а как к загадочному архиву, который заставлял меня внимательнее смотреть на самого себя.

Я всё ещё хотел знать, что скрывается между строк.

Но теперь мне было важнее не потерять способность отличать знание от впечатления.

Я терял себя не в борьбе с книгой. Я терял себя в согласии с ней.

Каждый раз, когда я читал новую страницу, я делал выбор. Осознанный. Добровольный. И каждый раз я думал, что контролирую ситуацию.

Это была главная иллюзия.

IRODUL не контролировало меня. Оно просто заставляло меня замечать всё, что мешало мне контролировать себя самому: совесть, сомнения и желание получить быстрый ответ.

Когда они исчезли, я остался один на один с голосом в голове.

И голос сказал: «Наконец-то мы одни»

На следующий день я сделал то, что должен был сделать с самого начала.

Я перестал доверять собственным ощущениям.

Если голос существует только в моей голове — это одно.

Если происходящее можно зафиксировать приборами — совсем другое.

К 2026 году для этого существовало достаточно инструментов.

Я установил в квартире четыре камеры с круглосуточной записью. Одну направил на рабочий стол. Вторую — на дверь спальни. Третью — на зеркало. Четвёртую — на книжный шкаф, где лежал манускрипт.

Дополнительно я настроил домашний сервер с системой анализа видео. Искусственный интеллект автоматически отмечал любое движение в кадре, изменение освещения, шума и аномалии.

Я хотел получить ответ.

Либо книга действительно существует отдельно от моего восприятия.

Либо проблема находится у меня в голове. Я решил превратить квартиру в лабораторию.

Четыре камеры. Датчики звука. Программа мониторинга. Журнал наблюдений.

Каждое событие я фиксировал с точностью до минуты.

Очень быстро начали происходить вещи, которые раньше показались бы мне сверхъестественными.

В первую ночь, читая манускрипт, я услышал три удара в окно.

Ровно в тот момент, когда дочитал абзац о предзнаменованиях.

Сердце ушло в пятки.

Но утром запись показала обычную ветку дерева, которую ветер бил о стекло.

Во вторую ночь кто-то завыл под окнами именно тогда, когда я открыл страницу о духах-проводниках.

Оказалось, соседская собака.

В третью ночь гром прогремел одновременно с описанием древнего церемонии.

Я проверил архив погоды.

Над Прагой проходил грозовой фронт.

Совпадение.

Очередное совпадение.

Я начал понимать, насколько легко человеческий мозг связывает несвязанные события.

Чем больше я читал IRODUL, тем внимательнее становился к миру вокруг.

А чем внимательнее становился, тем больше находил знаков.

Проблема заключалась в том, что знаки существовали всегда.

Раньше я просто не обращал на них внимания.

Через месяц наблюдений мой журнал оказался заполнен десятками подобных случаев.

Двадцать восемь из них получили совершенно рациональное объяснение.

Семь оказались ошибками памяти.

Три были связаны с усталостью.

Две — с неисправным оборудованием.

Оставалось всего одно.

Одно-единственное событие, для которого я так и не смог найти объяснения.

Именно оно не давало мне покоя.

Потому что если девяносто девять процентов странностей можно объяснить логикой, то оставшийся один процент становится гораздо страшнее.

Не потому что он сверхъестественный.

А потому что он настоящий.

В ту ночь я не читал манускрипт.

Книга лежала закрытой на полке.

Компьютер автоматически записывал звук в квартире.

В 02:43 система обнаружила шум и создала метку в журнале.

На записи не было голосов.

Не было шагов.

Не было скрипов.

Только один звук.

Будто кто-то медленно провёл пальцем по обложке книги.

Я прослушал запись десятки раз.

Потом проверил камеры.

Никто не входил в комнату.

Окна были закрыты.

Сквозняка не было.

Я потратил почти неделю, пытаясь найти источник.

И в конце концов нашёл.

Кожаный переплёт постепенно рассыхался. Ночью температура падала, материал сжимался и издавал характерный звук трения.

Ещё одна тайна исчезла.

Я помню, как сидел тогда на кухне и смеялся.

Громко.

Почти истерически.

Потому что впервые за долгое время победил книгу.

Она предлагала мне мистику.

А я находил физику.

Она намекала на тяжёлые наследия.

А я находил статистику.

Она играла на тревоге.

А я отвечал проверкой фактов.

Тогда мне казалось, что именно так я смогу сохранить рассудок.

Позже я понял свою ошибку.

Проблема была не в том, что происходило вокруг книги.

Проблема была в том, что происходило со мной во время её чтения

Глава 3. Пепельный знак

Пепельный знак на руке героя
Появляются странные символы
Я перестал верить в совпадения.

Не в ту ночь, когда записал скрип переплёта на рассыхающуюся кожу. И не в ту, когда объяснил вой соседской собаки и грозовой фронт. Я перестал верить в них гораздо позже. Когда понял, что моё стремление найти рациональное объяснение всему подряд — это тоже защитная реакция.

Такая же, как молитва.

Такая же, как церемония.

Просто более научно обоснованная форма отрицания.

Журнал наблюдений я вёл ещё полтора месяца. За это время случилось сорок три события, которые я счёл потенциально «аномальными». Тридцать восемь нашли объяснение. Пять остались висеть — не доказанные, не опровергнутые, просто необъяснённые в рамках имеющихся данных.

Я оставил их в покое.

Но именно в тот момент, когда я перестал гоняться за знаками, знаки пришли ко мне сами.

Не снаружи.

Внутри.

Первый символ

Это случилось утром. Я проснулся, потянулся к стакану

воды на тумбочке и замер.

На моём предплечье, чуть выше запястья, красовалась тонкая линия.

Не царапина.

Не след от простыни.

Не рисунок, который я мог бы сделать во сне.

Линия была идеально прямой, длиной ровно три сантиметра, и заканчивалась крошечным кружком.

Я потёр кожу — не смывается.

Я провёл ногтем — не чешется, не болит, не воспалена.

Я достал линейку. Три сантиметра. Ноль погрешности.

Линия была выполнена чем-то вроде серой краски — не чёрной, не тёмно-синей, а именно пепельной. Как будто кто-то провёл по моей руке уголём, только что вынутым из остывшего костра.

Я сделал три вещи, которые уже вошли в привычку.

Первое: сфотографировал.

Второе: измерил и занёс в журнал с указанием времени обнаружения.

Третье: попытался воспроизвести такой же знак на соседнем участке кожи собственной рукой, чтобы понять механику.

Воспроизвести не удалось. Моя линия выходила толще, края неровные, цвет другой. Моя пахла уголём (я развёл настоящий пепел с водой). Та, что появилась на руке, вообще ничем не пахла.

Я прождал ещё час. Знак не исчезал.

Тогда я сел за манускрипт — не читать, а просто смотреть на открытую страницу. Мне нужно было проверить гипотезу. И она подтвердилась.

На странице 47, в левом нижнем углу, был точно такой же символ. Линия с кружком на конце. Не в тексте — на полях. Словно кто-то сделал пометку.

Вот только вчера вечером этой пометки не было.

Я проверял.

У меня был журнал. Были фотографии страниц до и после.

До — чистое поле.

После — пепельный знак.

Я не спал эту ночь. Сидел и смотрел на руку. И на книгу. И снова на руку. К семи утра знак на коже начал бледнеть. К девяти исчез полностью. Без следа.

Символ в книге остался.

Что говорит наука

Я не был бы собой, если бы не попытался подойти к этому рационально.

Первое, что я сделал, — обратился к знакомому дерматологу. Не объясняя всей истории, я спросил: могут ли на коже человека спонтанно возникать пигментные линии без внешнего воздействия?

Он назвал несколько состояний.

Линеарный невус — врождённое образование, не появля-

ется внезапно у взрослого.

Посттравматическая пигментация — но травмы не было.

Синдром Унны — сосудистый рисунок, но он не серый и не геометрически правильный.

Дермографизм — реакция кожи на механическое раздражение, но при дермографизме следы исчезают через 10–30 минут, а не через 8 часов. И они красные или белые, не пепельные.

Вердикт: «Если вы не наносили это сами и никто не наносил, то с медицинской точки зрения это невозможно. Но раз вы говорите, что это было — советую вести дневник и обратиться к неврологу».

К неврологу я не пошёл.

Не потому что испугался диагноза. А потому что знал: невролог найдёт объяснение. Гипнагогические галлюцинации. Тактильные и зрительные фантомы на границе сна и бодрствования. Идеомоторные акты, когда мозг отдаёт команду телу, а сознание не фиксирует. Всё это реально. Всё это научно.

Но ни одно из этих объяснений не покрывало того факта, что символ остался в книге после того, как исчез с кожи. И что вчера его там не было.

Здесь наука замолкала.

Я не говорю «чудеса». Я говорю «недостаточно данных».

Метафизическая модель

Тогда я начал строить свою теорию.

Если отбросить мистику и представить, что происходит, в терминах физики и информатики, получается следующая картина.

Моё тело — это система, постоянно обменивающаяся информацией с окружающей средой. Обычно этот обмен идёт через известные каналы: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. Но существуют и другие — например, электромагнитное поле каждого живого организма, его тепловое излучение, биохимические маркеры, которые выделяются через кожу.

Я читал манускрипт. Долго. Сосредоточенно. Моё внимание было сфокусировано на тексте, но тело — на грани сна и бодрствования. В таком состоянии границы между «я» и «не-я» размываются. Внутренние образы могут проецироваться вовне. А внешние — внедряться внутрь.

Что если пепельный знак — это не магия, а информационная запись?

Книга IRODUL, возможно, обладает необычной структурой поверхности. Чернила, которыми она написана, содержат микрочастицы, способные взаимодействовать с кожей на уровне ионного обмена. В сочетании с повышенной потливостью во время концентрации (я всегда потею, когда глубоко читаю) эти частицы могут временно окрашивать кожу в строго определённый рисунок.

Почему рисунок оказался геометрически правильным? Потому что чернила на странице образуют не просто случай-

ную каплю, а структуру, которая при контакте отпечатывается подобно микроскопическому штампу.

Почему я не почувствовал контакта? Потому что спал. Или находился в изменённом состоянии сознания, когда тактильная чувствительность подавлена.

Я проверил эту теорию.

Я взял чистый лист бумаги, плотно прижал его к той странице, где был пепельный знак, и оставил на ночь под небольшим грузом.

Утром на листе ничего не было.

Никакого отпечатка.

Теория не подтвердилась.

Тогда я подумал: возможно, процесс не пассивный, а активный. Не книга оставляет след на мне. А я, читая, бессознательно воспроизвожу символ на собственной коже — как автоматическое письмо, только не рукой, а телом.

Дерматологи знают: кожа может «запоминать» образы, которые человек долго рассматривает. Это называется «энграмма» — след памяти, переходящий в соматическую сферу. При сильной концентрации мозг может инициировать локальную воспалительную реакцию или изменение пигментации в точности по форме объекта внимания.

Это редкий феномен. Но он зарегистрирован в медицинской литературе. Обычно у людей с высокой внушаемостью, с пограничными состояниями психики, с истерическими чертами.

Я не считал себя таковым.

Но IRODUL явно считало иначе.

Почему символы повторяются

В следующие две недели я насчитал семь пепельных знаков.

На руках. На ногах. Один раз на груди — прямо над сердцем.

Каждый раз я просыпался или выходил из глубокой медитации (я тогда ещё не называл это медитацией, скорее «погружением в чтение») и находил новый символ.

Каждый символ я находил потом в книге.

Никогда — в том месте, где я его искал. Всегда на другой странице. Или на той же, но спрятанным в орнаменте буквы, в изгибе заглавной, в зазоре между абзацами.

Словно книга играла со мной в прятки.

Я начал классифицировать символы.

Всего их оказалось двенадцать. Я дал им условные названия.

Круг с точкой — появлялся чаще всего, на левой руке, в районе локтевого сгиба.

Треугольник с линией — только на правой ладони.

Спираль — на затылке. Этот было труднее всего фотографировать самому.

Зигзаг — на левой щеке. Я проснулся, посмотрел в зеркало и не узнал себя.

Три параллельных штриха — на предплечье, всегда вме-

сте, всегда строго горизонтально.

И так далее.

Я не знал, что они означают.

Я не знал, зачем появляются.

Но я заметил одну закономерность.

Чем дольше я читал IRODUL, тем сложнее становились символы. Первые были простыми — точка, линия, круг. Последние — настоящие иероглифы, с завитками, пересечениями, асимметричными элементами.

К тринадцатому дню я перестал их смывать.

Пытался — бесполезно. Они исчезали сами ровно через восемь часов после появления. Ни раньше, ни позже. Как по таймеру.

Эффект присутствия

Самое пугающее произошло не с кожей.

Однажды вечером я сидел в тишине, не читая книгу, не делая упражнений. Просто смотрел в окно.

И вдруг понял: я вижу символы.

Не на теле.

В воздухе.

Прямо передо мной, на уровне глаз, мерцала слабая пепельная линия. Такая же, как на руке. Но трёхмерная. Объёмная. Она висела в пространстве секунду, потом погасла.

Я списал это на усталость глаз. Слишком долго сидел за компьютером. Слишком много читал мелкий текст в плохом освещении. Глазные мышцы перенапряглись, появились фо-

сфены — зрительные галлюцинации, вызванные раздражением сетчатки.

Но фосфены обычно хаотичны — точки, вспышки, простые геометрические фигуры. Они не складываются в сложные иероглифы, которые я видел до этого в книге.

На следующую ночь символы вернулись.

Уже не в воздухе.

На стене.

Серые, едва заметные, они появлялись, когда я смотрел в одну точку дольше десяти секунд, и исчезали, когда я моргал.

Я провёл эксперимент.

Я нарисовал на стене мелом простой круг. Посмотрел на него минуту. Отвёл взгляд.

Пепельный знак на стене (не мой мел) появился рядом. Другой формы. Более сложной.

Я нарисовал этот знак в блокноте.

Перевернул страницу.

Через пять минут на чистой странице проявился ещё один знак. Тот, которого я не рисовал.

Цепная реакция.

Символы плодились, как вирус. Перепрыгивали с поверхности на поверхность. С бумаги — на кожу. С кожи — на стекло. Со стекла — в воздух.

И каждый раз, когда я думал, что нашёл окончательное рациональное объяснение — нейропластичность, идеомотор-

ные акты, остаточные образы, чернила на пальцах — происходило что-то, что не вписывалось в объяснение.

Поворот

Однажды знак не исчез через восемь часов.

Он остался на моей руке на сутки.

Потом на двое.

Потом я перестал считать.

Кожа вокруг него стала тонкой, почти прозрачной. Сквозь неё просвечивали вены. Сам знак из пепельно-серого превратился в тёмно-коричневый. А потом в чёрный.

Я пошёл к врачу.

Дерматолог сказал: «Татуировка. Сделана профессионально. Чернила на угольной основе. Когда вы её набили?»

Я ответил, что никогда.

Он не поверил. Сделал биопсию. Результат: чернила находятся в глубоких слоях дермы, что невозможно при случайном контакте. Только игла. Только профессиональное оборудование.

Я не спал с иглами.

Я не ходил в тату-салоны.

Я не терял сознание под наркозом.

Но след был.

Пепельный знак, который я видел в книге, стал частью моего тела.

Навсегда.

И тогда я впервые по-настоящему испугался.

Не грозы за окном.

Не воя собаки.

Не скрипа переплёта.

А того, что наука, которой я так доверял, могла объяснить как, но не могла объяснить почему.

Почему символ, который я видел в манускрипте, появился на моей коже, хотя я к нему не прикасался.

Почему он не смывался.

Почему он оказался в глубоких слоях дермы.

И главное — зачем.

Первая догадка

Спустя месяц, рассматривая знак на левой руке при увеличении, я заметил нечто.

Если смотреть не на сам символ, а на его границу — на крошечные, почти неразличимые глазу неровности, — линии складывались в буквы.

Не латинские.

Не кириллические.

Те самые, из манускрипта.

Я перевёл.

Получилось одно слово.

Помни.

Я не понял, что это значит. Но почувствовал: символы, которые появлялись на моём теле — не случайные узоры. И не галлюцинации. Это сообщения. Я их получал, но не умел читать.

А может, и не хотел.

Потому что, научившись читать, я узнал бы то, что книга пыталась мне сказать с самого начала.

И это «то» могло оказаться страшнее любых символов.

Глава 4. Голоса между строк

Пепельный знак «Помни» врос в мою левую руку, как корень в трещину асфальта.

Я перестал его скрывать. Перестал заклеивать пластырем. Перестал отвечать на вопросы знакомых, которые замечали странный чёрный узор чуть выше запястья. Врал, что это татуировка, которую я сделал много лет назад, а теперь жалею. Они верили. Люди верят в простые объяснения, потому что сложные требуют мужества.

Первые две недели после появления знака я спал плохо. Не из-за тревоги — из-за бесконечного анализа. Моя лаборатория превратилась в спальню-обсерваторию. Я подключил датчик движения к ноутбуку. Настроил запись звука с порогом чувствительности, который фиксировал даже шорох собственных простыней. Каждое утро я проверял записи, ожидая найти что-то аномальное.

Первые десять ночей ничего не происходило.

Никаких звуков. Никаких движений. Никаких посторонних.

На одиннадцатую ночь я впервые увидел сон.

Первый сон

Мне снилась комната. Моя комната. Та самая, где я спал. Та же мебель, те же книги на полках, тот же свет фонаря за окном.

Всё было как наяву — до мельчайших деталей.

Кроме одного.

В углу, там, где обычно стоял пустой стул, сидел человек. Я не видел его лица — только спину, ссутуленную, одетую в неизвестный плащ или пальто, не поймёшь. Он не двигался. Не дышал. Просто сидел и смотрел в стену.

Я попытался заговорить.

Не смог.

Попытался встать.

Не смог.

Попытался проснуться — тоже не смог.

Человек в углу медленно повернул голову. Не вставая. Не разворачивая корпус. Просто повернул голову на сто восемьдесят градусов, как сова. И посмотрел на меня.

У него не было глаз.

Вместо них — две пепельные трещины, вертикальные, как те, что я видел в зеркале. Из трещин сочился свет. Не тёплый. Холодный. Серебристый. Он падал на моё лицо, и я чувствовал его кожей, как ветер перед грозой.

Человек открыл рот.

— Ты начал забывать, — сказал он голосом, который звучал одновременно изнутри и снаружи. — Знак напомнил. Но память коротка. Сны будут длиннее.

Я проснулся в холодном поту. Датчик движения показывал, что я не вставал с кровати. Запись звука — что не произносил ни слова. Фаза сна определилась как REM-сон продол-

жительностью двадцать три минуты, что соответствует норме.

Но я помнил каждую секунду.

Слишком ярко.

Слишком детально.

Слишком реально.

Научная интерлюдия: природа сновидений

Я не хотел поддаваться мистике. Поэтому первым делом открыл учебник по нейробиологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.